

ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ ХАНЬ ПРЕДПОСЫЛКИ, СТРАТЕГИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ



Владимир Владимирович ГУСАКОВ,
кандидат политических наук, г. Киев

Из всех китайских династий Древнего мира Хань наиболее «западническая» с точки зрения максимального распространения крайних пределов китайских завоеваний в «Западном крае» (центральноазиатском макрорегионе). Военно-политические достижения ханьцев в Центральной Азии оставались непревзойдёнными для всех последующих правителей Китая, вплоть до воцарения средневековой династия Тан.

Большой интерес к странам «Западного края», возникший в Китае после путешествий Чжан Цяня во второй половине II в. до н.э., способствовал активизации внешней политики и крупным территориальным захватам империи Хань в центральноазиатском макрорегионе. Китайская экспансия имела прежде всего геоэкономическую подоплёку и была связана со стремлением обеспечить себе максимальную выгоду от использования трассы Великого Шёлкового пути.

С одной стороны, трансконтинентальная торговля (шёлком, лазуритом, нефритом, стеклянными изделиями и пр.) приносила огромный доход и была исключительно выгодна, с другой — контроль хотя бы над небольшим участком Шёлкового пути позволял брать с торговых караванов таможенные пошлины, давая возможность богатеть даже самым ничтожным государствам. Подобный «произвол» многочисленных посредников неизбежно приводил к многократному удорожанию товаров, перемещаемых с Дальнего Востока на Запад и наоборот, значительно обесценивая результаты трансконтинентального обмена. В устранении нежелательных препятствий с трассы Великого Шёлкового пути, а при случае и подчинении её на максимально возможном протяжении «...следует искать смысл центральноазиатской политики китайской империи Хань» (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.).

Активная ханьская экспансия со второй половины II в. до н.э. опиралась на внутреннюю консолидацию, достигнутую за время противоборства с хунну, а также использовала период децентрализации и общего ослабления стран и народов Центральной Азии перед лицом внешней опасности. Огромное Греко-Бактрийское царство, ещё в середине столетия надёжно объединявшее почти весь регион, рухнуло под напором евразийских кочевых племён (*саков, юэчжи* и пр.). В самом его сердце — Бактрии юэчжи — основали пять независимых владений, беспрестанно соперничавших между собой.

С уходом с исторической арены Греко-Бактрии самым крупным центральноазиатским государством стало Парфянское царство. Его восточные границы проходили по Оксу (Аму-Дарье) и Гиндукушу, охватывая Гирканию, собственно Парфию, Арею, а также Маргиану с её древней столицей Мервом — важным парфянским (а позднее иранским) форпостом в регионе. Парфянское царство постоянно находилось в состоянии борьбы как с внутренним, так и внешним противником, в основном с могучей Римской империей. Ввиду очевидного приоритета, отдаваемого аршакидами западным областям своей огромной державы, Парфия являлась мощным, но исключительно пассивным фактором центральноазиатской геополитики.

Территорию среднеазиатского междуречья в то время занимала историко-географическая область Согдиана (Согд). Эта страна редко была единой и состояла из множества «лоскутных» владений вокруг торговых городов и оазисов, границы которых определялись естественными рубежами. У согдийцев были крупные, богатые, хорошо укрепленные города и замки, но они имели ничтожный военный потенциал для их эффективной защиты. Система коллективной безопасности строилась на политико-экономической взаимозависимости и взаимопомощи между земледельческими областями и полукочевым государством *Канцзюй*, контролирующим примыкающие к ним с севера степные районы. Примером такой взаимопомощи может служить совместное сопротивление жителей Ферганы (кит. Давань) и Канцзюй первой волне китайской (ханьской) экспансии в 104—101 гг. до н.э.¹

Предлогом для начала военных действий с китайской стороны послужило убийство ферганцами китайского посланника Чэ Лина. Для наказания жителей Ферганы в 104 г. до н.э. к её границам была направлена ханьская армия. Но китайские генералы не учли всех сложностей будущей войны. Армия была совершенно измотана дальностью пути, а также постоянными ожесточенными схватками с жителями оазисов, расположенных на территории современного Синьцзяна*, лежавших на пути из Китая в Фергану. В конце концов китайцы достигли заветной цели, но это была уже не армия завоевателей, а всего лишь несколько тысяч измученных и голодных солдат. Они смогли взять штурмом пограничный городок Ю и перебить «множество жителей», но о покорении всей долины уже не могло быть и речи. В 102 г. до н.э. остатки армии бесславно вернулись в Дуньхуан — китайскую операционную базу возле западной оконечности Великой китайской стены в современной провинции Ганьсу.

Год спустя из Дуньхуана на запад выступила новая армия вторжения, насчитывавшая 60 тыс. чел. (без вспомогательных подразделений). Поход был тщательно подготовлен. В армию взяли даже специальных мастеров для отвода воды от ферганской столицы. Для снабжения войск была организована доставка «сушёного съестного запаса» из сваренного и высушенного риса. За войском тянулся бесконечный обоз.

Количественное преимущество китайцев вынудило ферганское население отказаться от бесполезных открытых столкновений и укрыться за крепостными стенами поселений². Дальнейшая вооружённая борьба изобилует осадами, причём китайцам часто было не под силу одолеть многоуровневую защиту ферганских городов. После падения внешних стен городские защитники укрывались в более мощных оборонительных цитаделях.

* Название появилось во 2-й половине XVIII в., до этого в древности называлось Сиюй (Западный край).

В результате 40-дневной осады столицы Ферганы китайцам удалось разрушить внешнюю стену и захватить город. Его защитники были вынуждены отступить в цитадель. «Старейшины» предложили ханьцам прекратить военные действия и обещали отстранить (и даже убить) своего руководителя Мугуа, заплатить дань породистыми лошадьми и снабдить ханьскую армию провиантом на обратную дорогу. При этом «старейшины» держали себя достаточно уверенно, обещав в случае отказа продолжать сопротивляться до прихода армии Канцзюя, спешившей на помощь ферганцам.

Китайский военный совет, здраво рассудив, что в случае прихода канцзюйцев ханьская армия, атакованная с двух фронтов, наверняка будет разбита, согласился на предложенные условия. В качестве контрибуции ханьцы получили около 3 тыс. жеребцов и кобылиц. Тем не менее китайцев всё равно не впустили внутрь цитадели, и они вынуждены были покинуть пределы условно покорённой страны.

Децентрализованное устройство Ферганы со множеством независимых владений хотя и затрудняло организацию консолидированного отпора врагу, но в то же время делало невозможным повсеместное соблюдение условий достигнутых мирных договорённостей. На обратном пути в Западный край китайцам пришлось заново преодолевать сопротивление населения долины, не желавшего мириться с чужеземным господством. Так, жители города Ю отказались снабдить продовольствием китайский отряд и, совершив удачное ночное нападение, почти целиком их перебили. В отместку ханьцы взяли город штурмом, а его владетелю, бежавшему к канцзюйцам, но выданному ими, отсекали голову. Впрочем, закрепиться на новых территориях всё равно не удалось. Вскоре после ухода ханьской армии китайского ставленника убили, а к руководству вернули младшего брата убиенного Мугуа.

Новые походы всё-таки привели к подчинению территории современного Синьцзяна и зависимости периферийных среднеазиатских областей (Ферганы, Чача, Илака, Испиджаба). Кочевые вожди Канцзюя, контролировавшие значительные среднеазиатские территории в Приаралье, продолжали демонстрировать склонность к неповиновению. По словам китайского наместника в Западном крае, владетель Канцзюя в отличие от своих более покладистых соседей «горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками и всем своим поведением подчёркивает своё превосходство перед соседними владетелями»³.

К концу I в. до н.э. династия Хань ослабла. В самом начале новой эры её правители и вовсе были отстранены от управления империей. Какое-то время государством пытался руководить узурпатор Ван Ман, основавший собственную династию Синь. Ожесточённая внутренняя борьба между Синь и Хань хотя и закончилась реставрацией последней, но оставила страну в разорённом состоянии, а главное — значительно уменьшившуюся в размерах. Фактически императорам Поздней Хань пришлось начинать покорение Центральной Азии с нуля.

В своей центральноазиатской политике правители Поздней Хань столкнулись с сильным соперником. Речь идёт о Кушанском царстве, возникшем в результате укрупнения одного из пяти владений юэчжи, после того как один из пяти юэчжиских владетелей покорил четырёх остальных, объединил под своей властью всю Бактрию и объявил себя первым кушанским царём Куджулой Кадфизом⁴. Встав во главе крупной державы, первые кушанские государи Куджула Кадфиз (30—80 гг.), Вима Такто (80—90 гг.) и Вима Кадфиз (90—100 гг.) перешли

к активной завоевательной политике⁵. Особенно результативной их экспансия оказалась на южном и юго-восточном направлениях. Кушанские войска успешно преодолели Гиндукуш и завоевали *Гибинь* (Кашмир), Пенджаб, а также обширные территории в Индии вплоть до р. Нарбады на юге и г. Бенареса на востоке⁶.

Кушанские цари, поглощённые завоеваниями глубинных районов Индии и приобщением к своему царству её многочисленных материальных, людских и даже духовных богатств, отнюдь не забывали о Центральной Азии. Особенность центральноазиатской геополитики — наличие ряда небольших независимых владений, вовлечённых в той или иной мере в прибыльную торговлю по Шёлковому пути, диктовала и форму экспансии. Активно оперируя вдоль трассы Великого Шёлкового пути, кушаны, подобно китайцам, стремились прочно утвердиться в ключевых центрах (оазисы Согдианы) и продвинуться в Фергану и на территорию современного Синьцзяна.

Их продвижение, по-видимому, не встретило серьёзного сопротивления со стороны Канцзюя. Напротив, в 78 г. канцзюйский государь даже породнился с кушанским царём. Вероятно, свою роль сыграли и очевидное превосходство кушан в силах, и этническая близость. Ведь в этническом плане Канцзюй составляли племена юэцжи, саков, *усуней*, так и не переселившихся в земледельческие области. Кроме того, важной причиной переуступки правителями Канцзюя кушанским царям своего протектората над Согдианой, спокойно воспринятой самими согдийцами, была актуализировавшаяся во второй половине I в. китайская угроза. До сих пор согдийцы даже при помощи Канцзюя, парфян и хуннов противостояли ханьской агрессии не слишком удачно. Поэтому были все основания полагать, что новый этап китайского наступления на запад приведёт к окончательному поглощению Согда и других среднеазиатских областей.

В 70—80 гг. I в. н.э. имперские войска, руководимые полководцем Бань Чао, подчиняли оазисы на территории современного Синьцзяна один за другим. Согласно китайским источникам кушаны первоначально даже поддерживали Бань Чао. Возможно, что между двумя государствами существовала какая-то договорённость о разделе сфер влияния в Западном крае. Например, когда в 84 г. Канцзю по привычке послал войска на помощь кашгарскому правителю Джуну, кушаны устроили северному соседу военную демонстрацию и заставили отозвать войска. Отсутствие военной помощи предредило падение Кашгара. Тогда же кушаны помогли Бань Чао захватить Турфан⁷.

Однако очень скоро отношения между недавними союзниками испортились. По-видимому, победоносные китайские войска перешли оговорённые ранее демаркационные линии, претендуя на полный и исключительный контроль над Западным краем (и соответственно над всей восточной частью Шёлкового пути). В ответ на это кушанский царь направил против ханьцев армию во главе с наместником Сэ. Поскольку воевать предстояло с китайцами, традиционно оперировавшими многочисленными военными силами, кушанский контингент под предводительством Сэ также был достаточно крупным. По данным «*Хоуханьшу*», он насчитывал 70 тыс. воинов.

Уклонившись от прямого столкновения, Бань Чао навязал Сэ борьбу на коммуникациях. Способность обеспечивать собственные средства связи для поддержания в боевом состоянии многотысячной группировки всегда была решающим фактором успеха на таком необорудованном (полупустынном и редконаселённом) театре боевых действий, как Западный край. По приказу китайского полководца все запасы продовольствия, находившиеся в пограничных населённых

пунктах, были собраны в безопасном месте. Таким образом, перевалившие через Памир кушанские войска сразу столкнулись с кризисом снабжения продовольствием. Попытка кушан получить его в Кучаре, последнем крупном владении Западного края, не подвластном ханьцам, была своевременно пресечена. Бань Чао, предвидя подобные действия противника, устроил засаду на пути в Кучар и перехватил посольство, отправленное Сэ.

Так и не вступив в бой и всё более испытывая голод, кушанские войска вынуждены были отступить. Сэ вступил в переговоры с Бань Чао и вывел войска с территории современного Синьцзяна. Тот поспешил воспользоваться плодами своей победы и в 91 г. овладел Кучаром, тем самым завершив китайское завоевание Восточного Туркестана.

На этом кушано-китайская борьба не закончилась. В 102 г. сразу после смерти Бань Чао оазисы восстали против своих завоевателей. Когда в 107 г. против китайцев восстал Кашгар, кушаны решили, что настал благоприятный момент для реванша. Интригуя против ханьцев и местных коллаборационистов, они приютили у себя изгнанного претендента на кашгарское владение, некоего Чэньпая. После смерти очередного владетеля он явился в Кашгар, сопровождаемый сильным отрядом кушан. Из китайских хроник известно, что на родине Чэньпая и его союзников встретили приветливо. Жители оазиса явно «...боялись юечжи (кушан)»⁸, которые почувствовали себя здесь настолько уверенно, что даже попытались ввести в Кашгаре буддизм. Синологи датируют это событие 120 г.⁹

В 125 г. китайцы оказались в состоянии нанести контрудар и вновь подчинили Кашгар. Однако позже, в 132 г., их власть в Западном крае резко ослабла, и это позволило кушанам распространить своё влияние на отдалённые восточные районы Центральной Азии. Индийские источники отдают в руки кушанского царя Канишки не только территории, пограничные для двух империй Кашгара, Хотана и Яркенда, но и бассейн Тарима¹⁰.

Таким образом, к середине II в. кушаны прочно овладели стратегически важными оазисами Согдианы и современного Синьцзяна. Под контролем Кушанского царства оказалась трасса Шёлкового пути на значительном её протяжении — от границ Китая до парфянского Мерва. Кушанские государи почти на сто лет превратились в модераторов главной трансконтинентальной торговой артерии древнего мира. Подобное выигрышное геоэкономическое положение позволяло государству кушан получать большие прибыли от посреднических операций, а также выгодно развивать собственные внешнеэкономические связи.

Китайский проигрыш борьбы за Центральную Азию подтверждается находками в самых отдалённых её районах остатков буддийских храмов, мемориальных сооружений, монастырей (*сангарам и вихар*), построенных кушанскими царями, активными пропагандистами буддизма и новыми хозяевами региона. Перипетии тяжёлой и длительной борьбы в «Западном крае» требовали от империи постоянных усилий, подкрепляемых большими людскими и материальными ресурсами. Её неудачный исход нанёс сильный удар по престижу китайского руководства как в глазах соседей, так и собственных подданных. К концу II в. вслед за Восточным Туркестаном от Китая «откололись» все зависимые (не китайские) территории, расположенные севернее Великой китайской стены. Проживавшие здесь кочевые племена окрепли и вернулись к практике постоянных набегов и грабежа китайского населения. Империя же вступила в полосу затяжного кризиса, который неизбежно должен был привести к серьёзным внутривластным

переменам. В случае с империей Хань этот процесс занял несколько десятилетий. Начавшись в последней четверти II в. с чрезмерного усиления влияния на правящую династию амбициозных военачальников, он завершился в 20-х гг. следующего столетия сменой династии и крушением великой империи Хань.

¹ О ханьско-ферганских войнах в китайской интерпретации см.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 147—168.

² Древний китайский автор Чжан Цянь, посетивший Фергану, насчитал в ней до 70 больших и малых поселений. Многие из них, особенно центры самостоятельных владений, были хорошо укреплены. См.: Hirth F. The Story of Chang K'ien, China's Pioneer in Western Asia. *Journal of the American Oriental Society*. 1917. Vol. 37. P. 94—116; Гусаков В.В. Центральноазиатская политика Греко-Бактрийского царства // *Вестник Международного Института центральноазиатских исследований*. Самарканд, 2007. № 6. С. 34—42.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах... С. 185.

⁴ Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э.: (ист.-геогр. обзор по древнекит. источникам). М., 1989.

⁵ Годы правления кушанских царей даны приблизительно. Ввиду явной недостаточности источников вопрос восстановления абсолютной хронологии Кушанского царства остаётся нерешённым. Не вдаваясь в противоречивые гипотезы, существующие в мировой науке, автор опирался на хронологию английских учёных Н. Симс-Вильямса и Д. Крибба, которые прочли и прокомментировали так называемую Рабатакскую надпись, найденную в Афганистане в провинции Баглан в 1993 г., выполненную на бактрийском языке по поручению самого могущественного кушанского царя Канишки. Сопоставляя и интерпретируя информацию, полученную от расшифровки текста надписи, с данными прочих письменных и нумизматических источников, Н. Симс-Вильямс и Д. Крибб предлагают свою последовательность и хронологию кушанских царей. См.: Sims-Williams N., Cribb J. A New Baktrian Inscription // *Silk Road Art and Archeology*. Vol. 4. Kamakura, 1995/1996. P. 75—142.

⁶ Banerji A. Eastern expansion of the Kushana Empire // *Indian Historical Quarterly*. 1951. Vol. 27. № 4. P. 294—303.

⁷ Васильев Л.С. Бань Чао в Западном крае // *Вестник древней истории*. 1955. № 1. С. 108—125.

⁸ Chavannes E. Trois generaux chinoise de la dinastie Han Orientaux // *T'oung Pao*. Leiden. 1907. Vol. 7. P. 246.

⁹ Stein A. *Ancient Khotan*. Oxford, 1907. Vol. 1. P. 51—57.

¹⁰ Banerji A. Eastern expansion of the Kushana Empire. P. 294—303.

SUMMARY: Article is devoted to the Central Asian direction of the Han Empire's foreign policy. It also pays attention to the heroic struggle of the Central Asian people against Chinese invasion. Unconsolidated in centuries before Christmas, later it become the part of magnificent Kushans uprising. Integrated in Kushana Empire, Central Asian people successfully stopped Han's expansion.

Power over the oases of the Sogd, Fergana and Sintaszyan, reached by the kushanas in the II century turned them into the Great Silk road moderators. Control of this ancient world's main trade route on its long distance gave great economic and political benefits to the Kushana Empire. Vice versa results Central Asian's defeat brought for Han Empire. In the early 20-es of the next III century Han dynasty was overthrown, all the territories out of the Great China wall became independent and China itself was put into the long period of interior conflicts and instability.